

63.3(2)

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ**

**ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР
Б. А. РЫБАКОВ**

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

**Серия I
№ 21**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

МОСКВА · 1956

X
63.3(2) 9(1)12
P-93
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Член-корреспондент АН СССР
Б. А. РЫБАКОВ

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

V
4
74882
5754
281

~~БИБЛИОТЕКА
№ 5
Отдельного района
г. Ярославль~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

★

1956

Автор: Борис Александрович Рыбаков

Редактор Л. А. Новочадова.

Техн. редактор Г. В. Фурман

Корректор В. М. Сергеева.

A11804. Подписано к печати 31/УШ 1956 г. Тираж 138 000.
Изд. № 255. Бумага 60X92/1,25 бум. л.=2,5 п. л. Учета, изд.
2,42. Заказ № 1987.

Министерство культуры СССР Главное управление
полиграфической промышленности.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Великий русский народ внес важный и ценный вклад в мировую культуру, создав уже сотни лет тому назад немеркнущие в веках прекрасные произведения литературы, живописи, зодчества.

Знакомство с культурой Киевской Руси и русских княжеств эпохи феодальной раздробленности убеждает нас в ошибочности существовавшего некогда мнения об исконной отсталости Руси.

Изучение культуры древней Руси X–XIII веков – крупнейшего государства в средневековой Европе – представляет большой научный интерес для исторической науки в целом. Как без рассмотрения истории Русского государства невозможно понять целый ряд явлений в истории западноевропейских и восточных стран, так без изучения древнерусской культуры невозможно правильно оценить общую историю культуры средневековья¹

Русская средневековая культура X–XIII веков заслужила высокую оценку как современников, так и потомков. Восточные географы указывали пути к русским городам, восхищались искусством русских оружейников, готовивших особенную сталь (Бируни). Западные хронисты называли Киев украшением Востока и соперником Константинополя (Адам Бременский). Ученый пресвитер, Теофил из Падерборна, в своей технической энциклопедии XI века восхищался изделиями русских златокузнецов – тончайшими эмалями на золоте и чернью на серебре. В списке стран, мастера которых прославили свои земли тем или иным видом искусства, Теофил поставил Русь на почетном месте – впереди ее только Греция, а позади – Италия, Аравия, Германия и другие страны. Образцы русских изделий восхищали вельмож германских императоров и тогда, когда они в качестве послов были в Киеве, и тогда, когда киевский князь, бежавший от восставшего народа, показывал русские

---

¹ См. В. Д. Греков. Культура Киевской Руси, стр. 71–75. Изд-во АН СССР. М.–Л. 1944.

вещи императору.

Утонченный византиец Иоанн Тцетцес был настолько очарован русской резьбой по кости, что воспел в стихах присланную ему пиксиду (резную коробочку), сравнивая русского мастера с легендарным Дедалом.

Величественная картина цветущего государства с высокой культурой нарисована русским автором XIII века, пережившим тяжелый разгром Руси татарскими войсками:

О, светло светлая
И украско украшенная
Земля Русская!
И многими красотами удивлена еси...
Всего еси исполнена, Земля Русская!²

В мрачные годы бедствий, когда Русь, спасшая Европу от сокрушительного удара татар, лежала в развалинах, русский автор, естественно, обратился к прошлому, к «золотому веку» средневековой Руси — к XII столетию, столетию наивысшего развития русской культуры. Эту эпоху он и прославил в своем знаменитом «Слове о погибели земли Русской». Память об этой эпохе расцвета, когда Русь шла вровень с передовыми странами Европы, сохранялась во все время татаро-монгольского ига, и из сокровищницы русской культуры X–XIII веков долго еще извлекались драгоценности, поддерживавшие дух и творческие силы русского народа. Так, «Повесть временных лет», дававшая общий очерк всех русских земель, долго служила (в эпоху наибольшей политической раздробленности) средством осознания национального единства. Так «Слово о полку Игореве», с его горячим патриотическим призывом к единству, продолжало жить и в XIV веке, когда всех русских объединяла мысль о необходимости единства в борьбе с Золо-

---

²В. И. М а л ы ш е в. Житие Александра Невского. Институт литературы АН СССР. Труды отдела древнерусской литературы, т. V, стр. 188. М.—Л. 1947.

той Ордой.

На далеком Севере, у берегов Ледовитого океана потомки отважных русских колонистов сохранили до наших дней древние сказания-былины об эпохе Киевской Руси.

В настоящее время в Советском Союзе ведется огромная работа по изучению древнерусской культуры, реставрируются архитектурные памятники, расчищаются фрески и иконы, изучаются литературные произведения, записываются и изучаются неисчерпаемые богатства русского фольклора, ведутся широкие раскопки десятков старинных городов.

Теоретические проблемы, связанные с историей русской культуры, исследуются в ряде научных институтов, музеев, экспедиций. Важнейшие памятники старины объявлены неприкосновенными заповедниками.

В послевоенные годы особенно много сделано для изучения русской культуры. Открылись совершенно новые области изучения, появились новые материалы, а также более глубокие данные об известном ранее. Можно без всяких преувеличений сказать, что каждый год работы многочисленного коллектива ученых, изучающих древнерусскую культуру, открывает все новые и новые страницы в истории культурного развития русского народа и определяет более широкие перспективы дальнейшего его изучения.

*****

Истоки русской культуры X-XIII веков разнообразны и уходят в глубокую славянскую старину. Не подлежит никакому сомнению, что основой ее является народная культура славянских племен, оказавшаяся в свое время настолько высокой, что позволила Руси легко, свободно и вполне сознательно воспринять многовековую культуру Византии. Быстрота, с которой русские люди научились строить здания в византийской технике или переводить с греческого языка на русский философские и исторические сочинения, могла бы

показаться чудом. Для серьезного научного объяснения фактов поразительно быстрого освоения русскими мировой культуры средневековья необходимо ясно представлять себе культуру древних славян и ее развитие на протяжении ряда столетий, предшествовавших созданию Киевского государства³

В эпоху Тацита и Птолемея, когда появились первые письменные сведения о славянах, контраст между вершинами римской культуры и культурой славянских племен был очень велик. Однако, если сопоставить быт славянской деревни той эпохи с бытом римской деревни, то степень контрастности значительно уменьшится.

Как показали археологические исследования, южная часть обширных восточно-славянских земель, обращенная к черноземным степям, ранее других перешла к пашенному земледелию. Усвоение славянами древнеримской зерновой меры может даже говорить об экспорте зерна из Среднего Приднепровья в римские города во II–IV веках нашей эры⁴. Огромное количество римских монет, находимых на территории, где позднее сложилась Киевская Русь, свидетельствует об оживленной внешней торговле и, может быть, даже о внутреннем хождении монеты⁵.

Славянские мастера изготовляли на продажу гончарную посуду и различные виды украшений; зародилось товарное производство. К эпохе IV–VII веков относится ряд произведений восточно-славянского прикладного искусства, свидетельствующих о многообразии технических приемов и художественных форм. Истоки ряда мотивов позднейшего русского народного искусства (вышивки, деревянной резьбы) восходят к этой

---

³ См. Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М.–Л. 1944. История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I, М.–Л. Материальная культура, т. II. М.–Л. 1951. Общественный строй и духовная культура. М.–Л. 1951. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М. 1945.

⁴ См. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 264, изд. 2-е. Изд-во АН СССР. 1953

⁵ Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М. 1951.

отдаленной эпохе.

К этой же эпохе нужно отнести и ряд эпических песен о борьбе славян с готами, Византией и аварами. Отголоски их известны нам как по «Слову о полку Игореве», где вспоминаются «время Бусово» (т. е. IV век нашей эры) и «тропа Трояня» (очевидно, походы в VI веке за Дунай), так и по адыгейским сказаниям на территории бывшего Тмутараканского княжества, записанным в середине XIX века (песня о битве с готами и другие)

Земледельческие славянские племена обладали значительными потенциальными возможностями, и это сказалось, во-первых, в том, что они отстояли свою основную территорию от кочевников, а во-вторых, в том, что в эпоху кризиса античного мира, когда юстиниановская Византия стремилась к реставрации рабовладения, славяне, завоевав половину империи, сломили запоздалые попытки возврата к изжитому и тем ускорили переход Византии к более высокой социально-экономической формации – к феодализму.

Косвенным показателем достаточно высокого уровня славянской культуры в VI веке является то, что византийские императоры нередко приглашали славянских князей к себе на службу, поручая им командование корпусами и эскадрами и охрану пограничных городов. Одним из таких служилых князей был и легендарный Кий, с именем которого летописец связывает начало русской истории. Наличие в византийском войске сложной военной техники и ряда уставов и руководств, рекомендуемых разнообразными стратегическими и тактическими приемами, позволяет говорить о высокой квалификации тех славянских полководцев, которым приходилось служить империи.

Богатейшие данные о культуре древних славян содержит язык. Сравнительное языкознание установило многие сотни общеславянских слов, восходящих к отдаленной эпохе единства, которые во всех деталях раскрывают перед нами древне-

славянское земледелие, скотоводство, ремесло, торговлю, общинный и семейный быт, новые социальные отношения, право, понимание природы, языческую религию и т. д.⁶

Взгляд современной науки на уровень культуры древних славян очень далек от старых взглядов, когда историки считали славян не только первых веков нашей эры, но и славян

X— XI веков дикими звероловами, не знавшими ни земледелия, ни ремесла и жившими в лесах «якоже всякий зверь». Красное словцо летописца-монаха о «звериньском» образе жизни славян-язычников было принято старыми историками без всякой проверки, без критики, как понятие, адекватное русской действительности.

Изучение истории всех славянских народов (восточных, западных и южных) показывает, что предпосылки к созданию государственности накапливались повсеместно, что задолго до появления норманнов на Руси у разных славянских племен уже имелись хозяйственные и социальные предпосылки возникновения классового общества.

Русское государство сложилось в начале IX века, за несколько десятилетий до прихода варягов. Вскоре после сложения Руси возникло Великоморавское государство, Болгарское царство и ряд других славянских феодальных государств, историческими предшественниками которых были союзы славянских племен, усиленно создававшиеся в VI – VII веках.

Старая схема, утверждавшая, что только норманны внезапно создали государство у полудиких славян и будто бы принесли славянам свою высокую культуру, слишком серьезно расходится с фактами, чтобы можно было с ней согласиться. К моменту появления варяжских отрядов русские славяне прошли в своем развитии такой многовековой путь, достигли такого уровня своей культуры, что говорить о воздействии норманнов

---

⁶ См. Б. А. Рыбаков. Древние славяне в Причерноморье. Журнал «Славяне» № 2 за 1954 год.

не приходится

Сложившееся до варягов Русское государство не приняло ни варяжского языка, ни варяжской рунической письменности, ни варяжского вооружения. Наоборот, варяжские князья пользовались русским языком, шведские короли чеканили монету, подражая русским киевским монетам, шведские ремесленники воспроизводили русские образцы. Норманская теория могла существовать только потому, что плохо были известны глубокие местные корни славянской культуры.

Приступая к изучению истоков русской культуры, необходимо остановиться и на вопросе о ее связях с древним наследием соседей⁷. Много раз возникал в науке вопрос о взаимоотношениях славян и скифов. Нередко он решался слишком прямолинейно — славян признавали прямыми потомками скифов и наследниками их культуры. Ирано-язычные скифы не могли быть прямыми предками славян, относящихся к иной (хотя и родственной иранцам) языковой семье, но позволительно по дойти к этому вопросу несколько иначе: куда делись скифские и сармато-аланские племена? Процесс оседания кочевников на землю, усиления роли земледелия в их хозяйстве шел несколько веков. За это время на окраине степного моря, в лесостепи оседали скифо-сарматские племена, смешиваясь со славянами. Это давно уже отметил Тацит. Гуннское нашествие имело большое значение для дальнейшей судьбы ирано-язычных степняков: разбитые на отдельные племена, утратившие связь между собой, оттиснутые на окраины степей, старые хозяева южнорусских просторов неизбежно должны были подвергнуться ассимиляции. В степях их ассимилировали тюркоязычные гунны и болгары, а в лесостепи — славяне.

Лингвисты насчитывают несколько десятков иранских слов,

---

⁷ См. В. Д. Грекоп. Культура Киевской Руси М.— Л, 1944. В. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат. 1953.

попавших в русский язык, вероятно, в результате ассимиляции славянами скифо-сарматских племен («топор», «собака», «хата», «хорошо», «ватрушка», «парни» и другие). Результатом такой ассимиляции было не только обогащение русского языка несколькими синонимами, но и впитывание русскими ряда черт скифо-сарматской культуры. В качестве примера можно привести замечательное наблюдение В. А. Городцова, установившего преемственность сюжетов скифо-сарматского ритуального искусства в русской народной вышивке XIX века. Дальнейшие изыскания полностью подтвердили правильность его наблюдений и показали ряд посредствующих звеньев в искусстве древних русов VI–VII веков и в крестьянском искусстве X–XII веков. Одним из таких сюжетов, прошедших через тысячелетия но сохранившихся в краю былин, на русском Севере, является изображение языческой богини, воздевшей руки к небу и окруженной всадниками, попирающими врагов своими конями. Другим сюжетом русского народного искусства, восходящим к скифской древности, являются разные коньки на крышах изб, прототипом которых можно считать изображения коньков в могилах скифской знати в Неаполе Скифском⁸.

Древнеславянская культура развивалась не изолированно от соседей и от античных центров. Конечно, Русь не получила такого античного наследства, как, например, Галлия или Испания, но связи с греческими и римскими областями завязались давно. Уже в I веке нашей эры славяне доходят до низовьев Дуная, а вскоре римская карта указывает их постоянное жительство близ устьей Дуная.

Славяне не пустили римлян в свои земли, отстаивали свою независимость, но торговали они с Римом очень оживленно, о

---

⁸ См. В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Государственного исторического музея, т. I, М. 1926; В. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. Журнал «Советская этнография» № 1 за 1948 год.

чем свидетельствуют клады римских монет.

В эпоху великого переселения народов связи славян с югом усилились и привели в конце концов к двум колонизационным потокам славянства: во-первых, на Балканский полуостров, а во-вторых, на юго-восток, в низовья Дона и плодородной Кубани, где сложилось потом на берегу Черного («Русского») моря Тмутараканское княжество. Тмутаракань была воротами на Восток, форпостом Руси, выдвинутым далеко на юг в разноплеменное население со старыми культурными традициями. Русские мореплаватели уже с VII века знали страны, расположенные по берегам Черного, Каспийского, Эгейского, Средиземного морей. Это общение не могло пройти бесследно для славян и для тех народов, с которыми они соприкасались. В этой связи не лишены интереса записи армянского историка Зеноба Глака (VIII век), пересказывающие в полусказочной форме легенду об основании Киева, которую несколькими веками позже изложил русский летописец. Очевидно, армянский историк записал устное сказание об основании старейшего русского города⁹.

Для древних славян их постоянные связи с кочевым миром степей и с областями, лежавшими за степями в Причерноморье, на Кавказе, в Хорезме, несомненно имели большое значение.

На другом конце Европы, на северо-востоке, славянские племена соприкасались с финно-угорскими («чудскими») народами, передавая им свои хозяйственные навыки, знакомя их с пашенным земледелием. Здесь также происходил процесс ассимиляции славянами народов мери, муромы, мордвы, веси, процесс, особенно усилившийся с созданием Русского государства. Он протекал вполне мирно; часть чудской знати входила в состав русского боярства и даже участвовала в боярской думе киевских князей. Результатом ассимиляции,

---

⁹ См. М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. I, стр. 318. Изд-во АН Армянской ССР. Ереван. 1948.

начавшейся за несколько веков до образования Киевской Руси, было также обогащение русского языка рядом новых синонимов (преимущественно связанных с северным охотничье-рыболовческим бытом — «невод», «рты» — «лыжи», «шерсть» и других) и привнесение в северо-русскую культуру ряда элементов чудского искусства и фольклора.

Вся совокупность отмеченных выше явлений делала культуру древних славян сложной и многогранной; собственная высокая культура древних земледельцев обогащалась целым рядом элементов соседних культур, иногда более высоких (Рим, Византия, Причерноморье), иногда — более слабых, поддавшихся славянской ассимилирующей силе (кочевники, «чудские» племена).

Высокая, но поверхностная культура греческих колоний Причерноморья, которую древние авторы образно сравнивали с «узорчатой каймой на варварской одежде», исчезла под натиском сарматских и гуннских племен. Славянская культура была крепка тем, что она возникла на неизмеримо более широком основании и смогла устоять против всех внешних бурь; узорная кайма истрепалась, простая холщевая одежда уцелела.

В эпоху кризиса рабовладельческого общества было ясно что в восточной половине Европы будущее принадлежало не кочевникам с их примитивной экономической организацией и не слабосильным античным городам — государствам, обреченным на разрушение, а тем народам, которые смогли противостоять как римлянам, так и кочевникам, смогли заселить всю огромную Русскую равнину, принести далеко на север земледелие и создать прочную основу для новой, более прогрессивной формации — феодализма, опирающегося на труд крестьян-общинников¹⁰.

Этим народом и были славяне.

---

¹⁰ См. А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. Журнал «Вестник древней истории» № 1 за 1939 год.

Периодизация русской культуры опирается, естественно, на основные рубежи в истории создателя этой культуры русского народа¹¹.

Для избранной нами эпохи такими рубежами будут, во-первых, сложение древнерусской народности и образование Киевского государства, во-вторых, появление ряда новых государств-княжеств («феодалная раздробленность») и, в-третьих, нарушение нормального развития русской истории татаро-монгольским нашествием.

Образование древнерусской народности, объединившей все восточно-славянские племена в единый массив, еще не знавший разделения на русских, украинцев и белорусов, началось с процесса укрупнения племен и формирования устойчивых и длительных союзов племен. Параллельно этому процессу шел другой — процесс распада родовой замкнутости общины и превращения ее в сельскую территориальную общину, что содействовало увеличению линий связи внутри племен.

Одним из наиболее крупных и устойчивых союзов был союз славянских племен Приднепровья, сложившийся в лесостепи от Киева и Канева на западе до Курска и Воронежа на востоке. Уже в VI веке нашей эры он получил название «Русь». По археологическим данным, четко выделяется единая материальная культура VI–VII веков, общая для всех племен этого союза и несколько отличная от остальных славянских же племен. Русь VI–VII веков явилась ядром народности, объединившей постепенно всех восточных славян. Это объединение завершилось в IX веке, когда у всех восточных славян появился ряд общих черт в их культуре, усилились связи между различными славянскими землями и сложился единый русский литературный язык. В начале IX века, судя по целому ряду данных, оформилось Русское государство, объединившее

---

¹¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв.», ч. I. Изд-во АН СССР. 1953.

многие из восточнославянских племен.

Создание государства и его дальнейшее расширение за счет родственных славянских племен, несомненно, содействовало формированию древнерусской народности, укрепляя со своей стороны все признаки народности: единую территорию, язык, культуру и внутренние связи областей. Поэтому в периодизации русской культуры необходимо выделить эпоху начала IX века в качестве рубежа, отделяющего союзы племен от государства и от народности, дофеодальный период от феодального.

Вторым важным рубежом является так называемая эпоха феодальной раздробленности, когда в разных местах Руси выросли благодаря развитию производительных сил новые города и княжества, соперничавшие с Киевом и добившиеся политической самостоятельности. Внутри этих княжеств феодальные отношения могли развиваться шире и глубже, чем в первоначальной единой Киевской державе, так как государственная власть была здесь ближе, могла активнее содействовать прогрессивным феодальным элементам.

Ярким доказательством того, что эпоха феодальной раздробленности была шагом вперед, а не назад, является высокая культура всех русских княжеств, достигшая в это время большого расцвета. Только вражда крупных феодальных сюзеренов между собой и их постоянные войны были отрицательным явлением этой эпохи, но не эти усобицы составляли ее сущность. Все лучшие люди XI–XIII веков стремились укротить княжескую вражду, призвать князей к единению, что было особенно важно перед лицом постоянной опасности со стороны степных орд.

Областные различия русской культуры этого периода свидетельствовали о разнообразии творческих путей, о разнообразии связей, но они не нарушали еще единства древнерусской народности, которое реально существовало,

хорошо осознавалось русскими людьми той эпохи и служило основой того убежденного патриотизма, который так горячо и звучно призывал князей к единству в борьбе с половцами.

Третьим, не менее важным, но печальным рубежом в истории русской культуры явилось татаро-монгольское нашествие 1237–1241 годов. Разорив Китай, Среднюю Азию и Закавказье, подчинив себе половецкие степи, татары обрушились по очереди на каждое русское княжество в отдельности. Упорная, героическая борьба русского народа с Батыем, воспетая в былинах и сказаниях, надолго задержала татар и обескровила их неисчислимые войска, слухи о которых уже привели Западную Европу в панику. Европа была спасена дорогой ценой порабощения Руси. Татары планомерно и обдуманно разрушали русские города, чтобы устранить очаги возможного сопротивления, и уводили в свои становища всех ремесленников, чтобы творцы оружия и роскоши работали на победителей, а не на побежденных.

Народы Средней Азии, Закавказья и Руси впервые в истории совместно переживали одно общее несчастье. Чингисхан определял границы своего улуса «до того места, куда наступит копыто татарского коня». Татарские кони растоптали богатую и яркую культуру Руси как раз в тот момент, когда эта культура расцвела особенно пышно, когда перед нею открывались широкие горизонты еще более полного развития.

*****

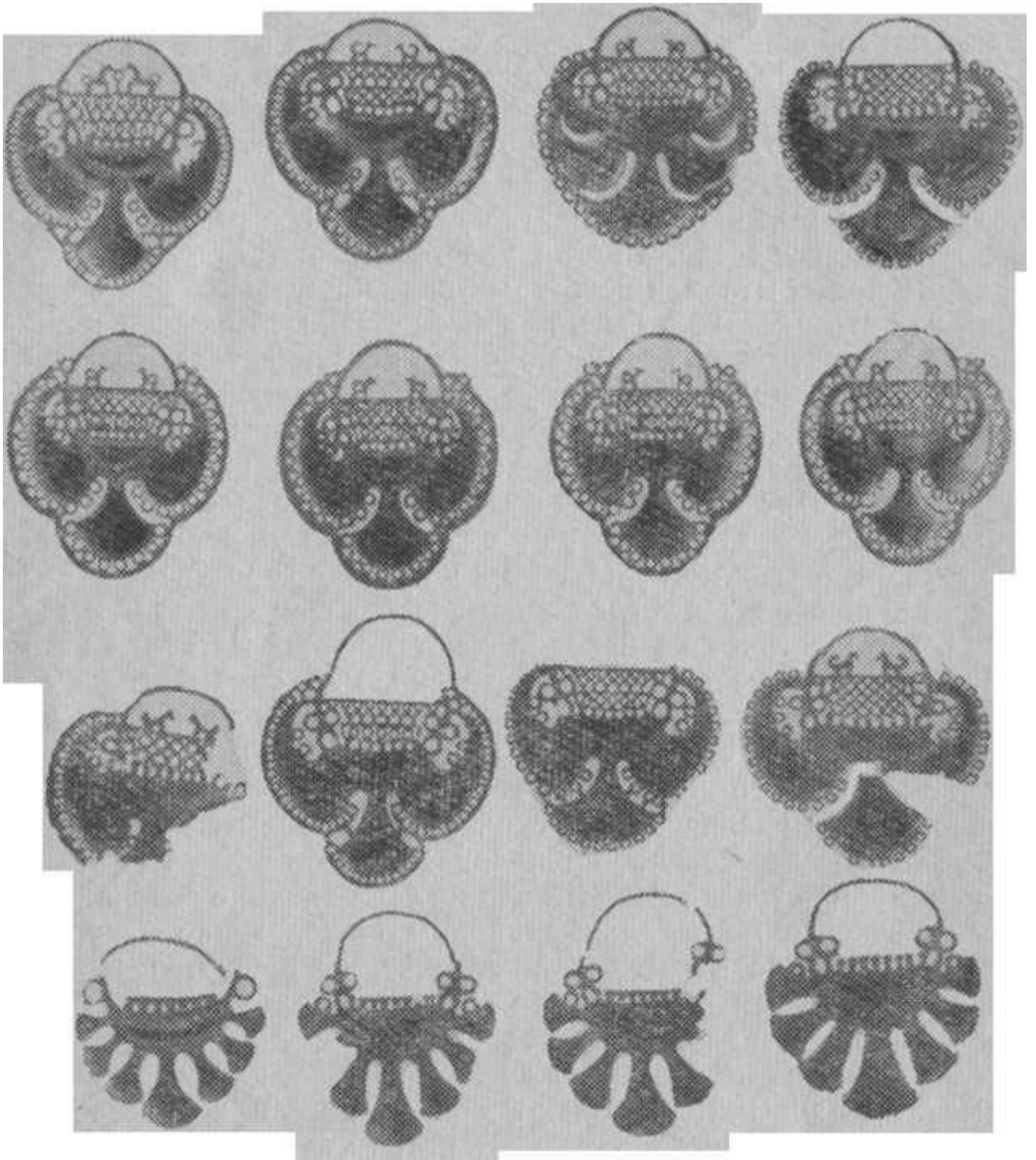
История русской феодальной деревни IX–XII веков принадлежит к числу наименее изученных проблем. Поэтому, говоря о русской культуре этого времени, часто совершенно не упоминают деревню, сводя все к освещению только городской культуры. Это неверно уже и потому, что мастера – творцы феодальной культуры были представителями народа и нередко, выполняя заказ, ориентировались не на вкус заказчика, а на свои народные, в известной мере деревенские, традиции. Это

неверно и потому, что русская деревня, «хранительница национальности» сумела пронести свою вековую культуру сквозь всю феодальную эпоху и донесла ее в достаточно полном виде до того времени, когда этнографическая наука смогла ее зафиксировать и изучить.

Сохранность древней культуры и степень ее сочности и полнокровности обратно пропорциональны силе крепостнических отношений, поэтому самые интересные для науки образцы вышивки, резьбы, старинных костюмов, сказок и былин мы встретили на русском Севере, на родине Ломоносова, где крепостнический гнет никогда не достигал такой силы, как в центре. Тщательный анализ фольклора и народного изобразительного искусства позволит расслоить его на отдельные хронологические пласты и выявить то, что относится именно к рассматриваемому периоду. Сюда попадут сказки, пословицы и загадки, на которых воспитывалась сообразительность детей, сюда попадут древние игры, воспитывавшие смелость и ловкость, песни, помогавшие общему труду, эпические сказания, повествовавшие о величественных делах родной истории. Фольклор раскрывает перед нами целую энциклопедию народных знаний, энциклопедию, рассказываемую на лаконичном и метком народном языке, предназначенную для передачи народной мудрости от поколения к поколению.

Красочные записи летописца начала XII века о свадебных и погребальных обычаях русской деревни, об «игрищах межю селы», дополненные древними миниатюрами, позволяют связать эти этнографические записи XII века с этнографическими описаниями XIX века. Многочисленные археологические находки на городищах и во многих тысячах русских деревенских курганов IX–XIV веков дают нам целый ряд сведений о культуре русских деревень в различных областях Руси.

Деревенские русские украшения XII–XIII веков (Московская область) .

Прежде всего становится ясно, что основой русского хозяйства было развитое пашенное земледелие и оседлое скотоводство. Затем выясняется характер деревенского ремесла и домашнего производства. Иногда удается даже установить размеры рынков сбыта для некоторых видов ремесла — они невелики, как это и должно быть при феодализме¹². Большой интерес представляет наблюдение молодого исследователя Колчина над производством стальных изделий X—XIII веков. Оказалось, что все деревенские орудия труда сделаны из превосходной стали с умелой закалкой, наваркой или цементацией режущей части. Если этот стальной инвентарь производился деревенским кузнецом — это говорит об опытности и умении мастера. Если же он покупался крестьянами у кузнеца городского — это говорит о начавшихся тогда экономических связях города и деревни. Археологические находки дают богатый материал и по прикладному искусству русской деревни. Ряд орнаментальных мотивов X—XIII веков (на металле, на ткани, на глине, на кости) продолжал бытовать вплоть до XIX века. При сопоставлении деревенского искусства с городским ясно видны главным образом черты различия, а не сходства. По своим сюжетам, по кругу образов деревенское прикладное искусство X—XIII веков в очень малой степени испытывало на себе влияние города.

Деревенские погребальные обряды (захоронение в курганах), восходящие к языческой старине, сохраняются значительно дольше, чем в городе; это говорит о более прочной базе языческих представлений в деревне.

Многочисленные связи между археологическими и этнографическими данными позволяют сблизить их и использовать последние при рассмотрении деревенской культуры X—XII ве-

---

¹² В. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР. 1948; В. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) (А^ИА № 32). Изд-во АН СССР. 1953.

ков. Красочный национальный костюм, богатство вышивки и тканья, многообразную резьбу по дереву, сохранившую, как и вышивка, архаические ритуальные сюжеты (перешедшие впоследствии в чисто эстетическую категорию), затейливую орнаментацию строений, годовой цикл жизнерадостных деревенских праздников — все это мы должны возводить к эпохе, может быть, еще более отдаленной, чем Киевская Русь, а русское крестьянство X–XII веков мы должны представлять себе как творца и носителя этой своеобразной, но мудрой и красивой культуры.

Средоточием феодальной культуры был город, являвшийся как бы коллективным укрепленным замком феодалов целого княжества. Здесь был двор князя, дворы-замки его родичей, дворы бояр; здесь размещалась часть дружинников, составлявших постоянное войско. Дворы эти были полны челядью. Основное население города составляли ремесленники разнообразнейших специальностей — в крупных русских городах X–XII веков можно было насчитать свыше 60 различных профессий.

Город был центром феодального ремесленного и товарного производства. Кроме того, он являлся и средоточием торговли: здесь были и местные купцы, и купцы-коробейники, развозившие мелкий товар по всей Руси, и заморские купцы, плававшие на Восток «в жребий Симов» и вокруг континента Европы через Гибралтар в Рим и Царьград. В крупных городах стояли дворы иноземных гостей.

Города X–XII веков были, кроме того, центрами церковной жизни. Мы ничего не знаем о сельских церквях или удаленных «пустынножительных» монастырях — монастыри жались вплотную к городу, церкви ставились внутри города, высшие церковные власти жили, как и князья, в центре города.

По всем изложенным причинам русский город, как и все города средневековья на Востоке и на Западе, представлял собой сгусток феодальной культуры, пронизанный широкими и

далеко идущими связями как в пределах данного княжества, так и за его рубежами, а порой и за рубежами Руси. Многочисленные археологические раскопки привели за последние годы к ряду важных открытий, по-новому освещающих городскую культуру.

Много нового внесли в понимание уровня русской городской культуры эпиграфические находки¹³, свидетельствующие о широком распространении грамотности в народных массах.

Встречаются надписи на пряслицах для веретен, на глиняных сосудах, деревянных бочках, даже на сапожных колодках. Особенно интересны авторы надписей: киевский гончар, написавший на сырой еще амфоре — «благодатнейша полна корчага сия», новгородский сапожник, пометивший колодку именем своей заказчицы, посадские девушки, надписывавшие пряслица, очевидно, для того, чтобы не перепутать их на посиделках. Археология раздвинула хронологические рамки русской эпиграфики: в Смоленске была найдена корчага с надписью «Горухша» в кургане первой половины X века, т. е. одновременно первым договорам с греками¹⁴.

Неисчерпаемой сокровищницей живых, подчас шуточных и задорных надписей являются стены древнерусских церквей, исписанные со всех сторон прихожанами, которых, очевидно, не смущало богослужбное назначение здания¹⁵. Рядом с обычной магической формулой «господи помози...» мы встретим

---

¹³ См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города (Ученые записки МГУ, вып. 99). М. 1946; Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41, М. 1951; Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VII, № 3, 1950.

¹⁴ Доклады на пленуме ИИМК, посвященном археологическому изучению древнерусских городов (11–15 марта 1941 г.). «Краткие сообщения ИИМК», вып. XI. М.–Л. 1945; Пленум ИИМК, посвященный итогам археологического изучения древнерусских городов. «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М. 1951.

¹⁵ Материалы и исследования по археологии СССР, № 7. Изд-во АН СССР. М.–Л. 1947; № 11 и 12. Изд-во АН СССР. М.–Л. 1949.

Н. Н. Воронин. Древнее Гродно (МИА № 41). М. 1954; М. К. Каптерев. Археологические исследования древнего Киева. Киев. 1950. По следам древних культур. Древняя Русь. 1953.

здесь записи путешественников «страньный грешный Ян Воин» (Новгородский Софийский собор), написанную наполовину глаголицей, насмешки над певчими: «хо-хо-хо крылошанин святой, богородицы!», над соседями «Кузьма-поросся» (Киев, Софийский собор), проклятия, посылаемые кем-то Прокопию и Ульяне, или эпиграмму на соседа, уснувшего во время службы, — «Якиме стоя усне, а рта и о камень не ростепе».

Подписи мастеров серебряных дел на кубках XI века.

Серебряные кубки, изготовленные мастерами Константином и Братилой (Новгород, XII век).

Суть быта раскрывают нам эти замечательные документы, снова подтверждающие широкое развитие грамотности среди русских горожан.

Науке давно известны великолепно оформленные пергаментные книги, написанные на русском языке в XI–XII веках. Их не только украшали многоцветными заставками и инициалами, но и снабжали миниатюрами. Особенно интересны миниатюры так называемой Радзивилловской летописи XV века, которые, как удалось доказать, восходят к оригиналу начала XIII века и, таким образом, отражают (в несколько условной манере) жизнь домонгольской Руси¹⁶.

Древнерусские люди не только любили читать и переписывать книги, но и глубоко понимали значение книг, говоря что «книги суть реки, напоющие вселенную мудростью».

Вскоре после крещения Руси, которое сыграло известную положительную роль в деле сближения с византийской культурой, в Киеве и других городах началась большая работа по переводу и переписке книг. В короткий срок русская церковь получила богослужебные книги, а княжеско-боярская среда — перевод хроники Георгия Амартола (сделан в первой половине XI века), сборники исторических и философских сочинений, а также византийский рыцарский роман и другие жанры тогдашней мировой литературы, рассчитанной на феодальную среду. Русским книжникам была известна литература на старославянском, греческом, еврейском, латинском языках. О сыне Ярослава

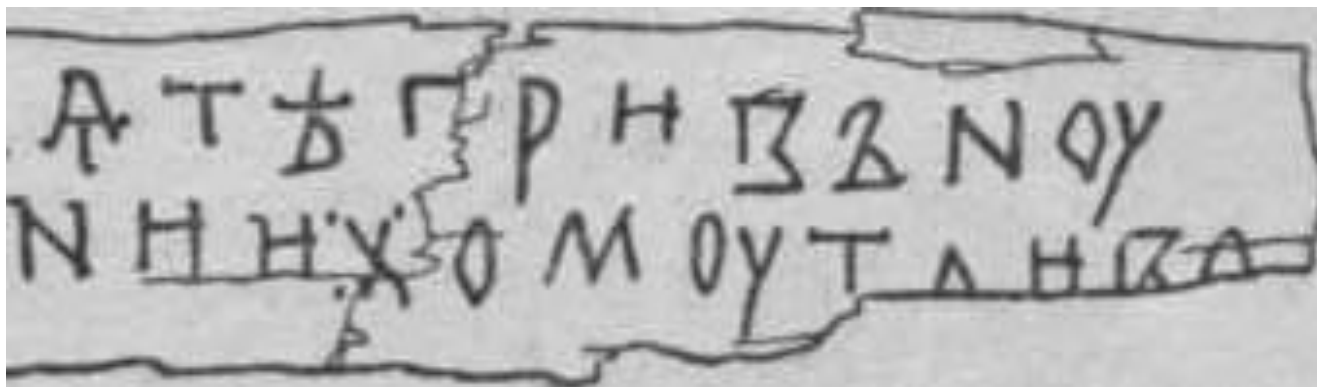
Исключительно важным было открытие в 1951 году профессором Арциховским в Новгороде берестяных грамот XI–XV веков. Целый новый мир открылся исследователям при изучении

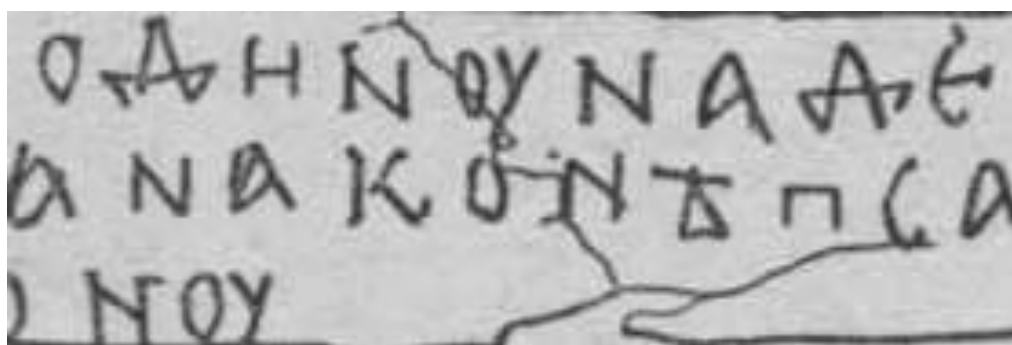
¹⁶ См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 года.) Изд-во АН СССР 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г) Изд-во АН СССР. 1954; В. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII вв. (Труды отдела древнерусской литературы, т. XI). Изд-во АН СССР. М.—Л. 1955.

этих грамот, количество которых возрастает с каждым раскопочным сезоном. Торговые сделки, частные письма, торопливые записки, посланные с нарочным, отчеты о выполнении хозяйственных работ, донесения о походе, приглашение на поминки, загадки, стихи и многое, многое другое.

1951

1952

Записка на березовой коре (Новгород, XII век).

Существенным отличием русской культуры от культуры большинства стран Востока и Запада является применение родного языка. Арабский язык для многих неарабских стран и латинский язык для стран Западной Европы были чуждыми, искусственными языками, монополия которых привела к тому, что народный язык государств той эпохи нам почти неизвестен. Русский же литературный язык применялся везде — в делопроизводстве, дипломатической переписке, частных письмах, в художественной и научной литературе. Как и родной славянский язык, сложившийся в IX–X веках на основе киевского наречия, древнерусский литературный язык был

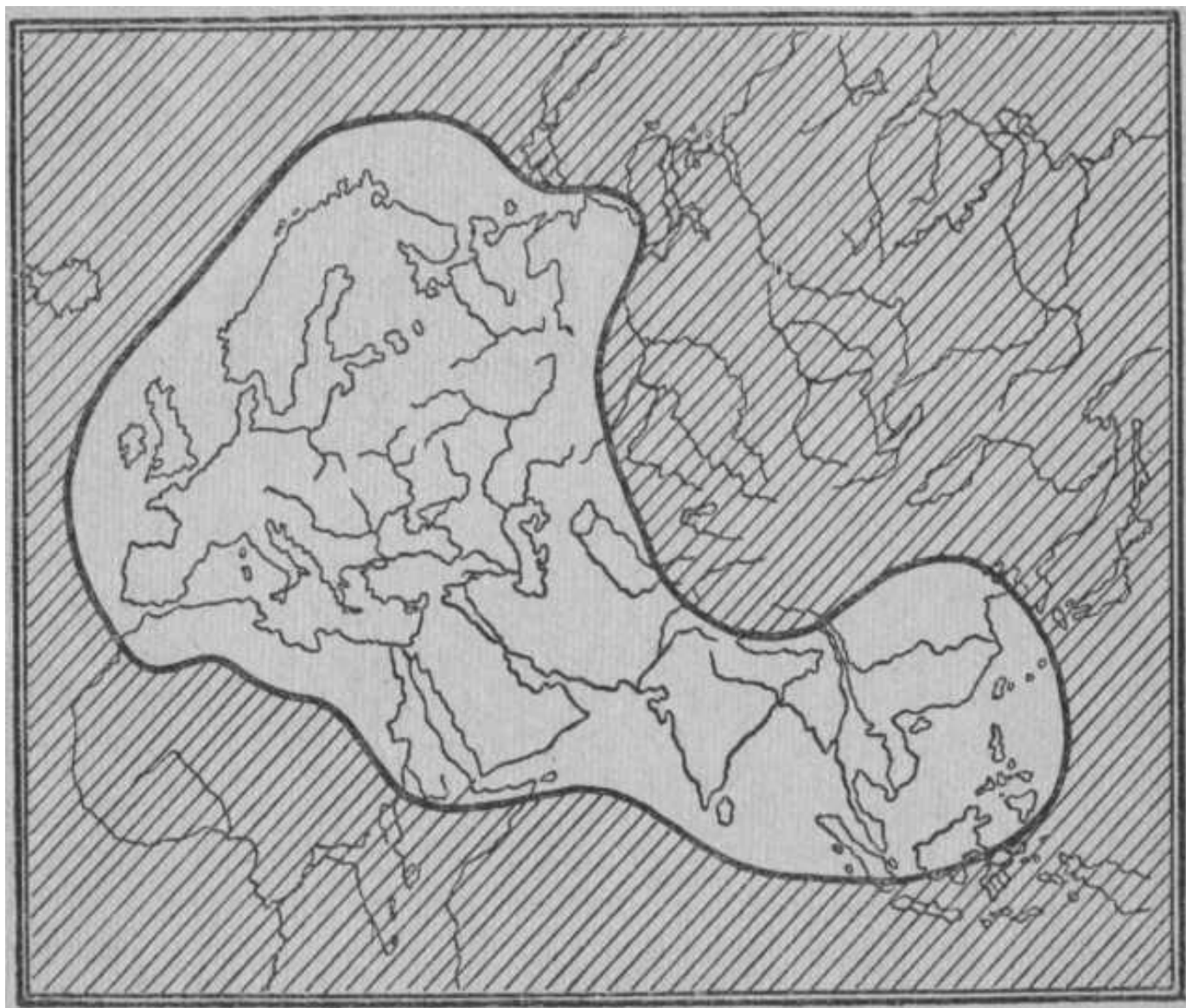
поняты народным массам всех славянских областей, входивших в состав Руси. Единство народного и государственного языка было большим культурным преимуществом Руси перед славянскими и германскими странами, в которых господствовал латинский государственный язык. Там невозможна была столь широкая грамотность, так как - быть грамотным означало знать латынь. Для русских же посадских людей достаточно было знать азбуку, чтобы сразу письменно выразить свои мысли; этим и объясняется широкое применение на Руси письменности на бересте и на «досках» (очевидно, навощенных) и отсутствие подобных находок в западноевропейских городах (в условиях одинаковой сохранности органических материалов).

В настоящее время ведутся интересные работы по изучению древнейшего славянского алфавита - глаголицы. Местом ее возникновения, очевидно, следует признать те области юго-востока славянских земель, где славянские поселенцы соприкасались с Причерноморьем и Хазарией. Поиски родины загадочной глаголицы нужно продолжать на юго-востоке и, может быть, тогда станут понятны интригующие слова восточного автора: «...и у хазар есть письмо; оно заимствовано ими от русов». Западная часть Северного Кавказа входила еще в X веке в состав Хазарии, и, возможно, здесь имелось в виду население хазарского каганата, воспринявшее русскую глаголицу.

Русская литература XI–XIII веков дошла до нас, разумеется, не полностью. Средневековая церковь, ревниво истреблявшая апокрифы и сочинения, упоминавшие языческих богов, вероятно приложила свою руку к уничтожению рукописей, подобных «Слову о полку Игореве», где о церкви сказано мимоходом, а вся поэма полна русскими языческими божествами. Недаром до XVIII века дошел только один единственный список «Слова», хотя мы знаем, что «Слово» читали в разных русских городах. Отдельные цитаты в сохранившихся рукописях, намеки на обилие книг и отдельных произведений — все это убеждает нас в том, что в огне междоусобных войн, половецких и татарских набегов могло погибнуть много сокровищ древней русской литературы. Но и уцелевшая часть настолько ценна и интересна, что позволяет с большим уважением говорить о русских людях XI–XIII веков, творцах этой литературы.

Крупнейшими произведениями русской литературы, созданными в этот период, но продолжавшими свою литературную жизнь еще много столетий, являются: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Киево-печерский патерик» и ряд других.

Для большинства из них характерен широкий, общерусский взгляд на события и явления, гордость созданным государством, сознание необходимости постоянной совместной борьбы против кочевнических орд, стремление прекратить разорительные для народа войны русских князей между собой.

Географический кругозор русских людей в XII веке.

В эпоху сложения и первоначального развития новой феодальной формации прогрессивным было то, что очищало путь этому новому, укрепляло его, помогало ему развиваться. И русская литература успешно содействовала новому феодальному государству, направляя его преимущественно на решение задач общенародного значения. Не отвлекаясь мелочами, не размениваясь на развлекательное чтение (оставляя это устному творчеству и переводной литературе), русские писатели

X - XIII веков заставляли своих читателей и слушателей (многое было рассчитано на чтение вслух) думать о судьбах русской земли, знать положительных и отрицательных героев родной истории, чувствовать и укреплять единство всей

древнерусской народности. «Общественная, гражданская струя в русской литературе, столь типичная для нее в XIX и XX вв. определилась в ней уже в XI–XIII вв.». Почетное место в этой литературе занимают исторические труды.

Летописные произведения начали складываться на Руси еще в конце X века, вскоре после принятия христианства.

Во второй половине XI века появилось уже несколько исторических сочинений. В летописных сводах, написанных в Киеве, отражалась идея единства Руси; один из них, стремясь показать значение русского государства, сопоставлял основание Киева с основанием Рима.

Новгородское летописание выражало сепаратистские идеи новгородского боярства, стремившегося обособиться от Киевской Руси, и в качестве полемического приема придумало известную легенду о призвании князей-варягов, послужившую впоследствии источником многих ошибочных построений.

В XII веке в эпоху феодальной раздробленности почти каждый князь имел своего историка-летописца. Исключительное место среди русских и европейских исторических трудов XII века занимает «Повесть временных лет», написанная около 1113 года и дважды переделанная в 1116–1118 годах.

«Повесть временных лет» – «это одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила неувядаемый интерес на протяжении веков...

Для читателя XI–XII веков это было живое слово о родине, о ее прошлом и настоящем, о великих трудах предшествующих поколений, завершенных образованием могущественного государства»¹⁷. Проследившая первоначальную (доваряжскую) династию киевских князей вглубь до VI века, летописец Нестор (наиболее вероятный автор «Повести») начинает историю Русского государства с той же эпохи, в

---

¹⁷В. Д. Греков. Культура Киевской Руси, стр. 70–71.

которую сирийский автор, продолжатель Захарии Ритора, впервые написал о могущественном народе «Рос».

Географический кругозор летописца очень широк — он знает и Британию на западе Старого Света, отмечая некоторые этнографические пережитки у англичан, и Китай на Дальнем Востоке Старого Света, где живут «на краю земли» справедливые люди, чтущие законы. Используя русские архивы, народные сказания и иностранную литературу, летописцы создавали широкую и интересную картину исторического развития Русского государства. Широта знаний русских историков XII века видна, например, из сжатой, но очень верной обрисовки эволюции первобытного общества, приведенной в Ипатьевской летописи под 1114 годом: первый этап — люди употребляют только каменные и деревянные орудия; моногамная семья отсутствует, и каждая женщина вольна выбирать мужчин (предоставление права выбора именно женщине указывает на матриархат); второй этап — человечество овладело искусством обработки металла (бронзы); появилась парная семья, полигамия уже строго каралась. Третий этап — установление царской власти и эксплуатации — «начаша человеци дань давати царям».

Помимо общих исторических трудов, охватывающих несколько столетий и погодных хроник, существовали произведения, посвященные одному историческому событию. Так, например, поход Владимира Мономаха в 1111 году на половецкие становища был воспет в специальном сказании, автор которого правильно оценил значение этого первого серьезного разгрома половцев не только для Руси, но и для Западной Европы, заявив, что слава о победе князя Владимира дойдет до Рима. Этот разгром половцев серьезно отозвался на истории Грузии, так как помог Давиду Строителю создать армию из бежавших половцев. Это же событие отражено и в русских былинах.

Эпоха феодальной раздробленности сказалась в том, что

появились областные литературные силы, в каждом новом княжеском центре велись свои летописи, уделявшие главное внимание местным событиям, но не перестававшие интересоваться и общерусскими делами. Литература росла вширь. Появились летописи в Новгороде, Владимире, Полоцке, Галиче, Смоленске, Новгороде-Северском, Пскове, Переяславле и других городах.

Русские историки XI–XIII веков широко знакомили своих читателей с мировой историей как путем перевода новейших византийских трудов (Хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола), так и путем создания творчески обработанной хрестоматии из произведений древних авторов («Еллинско-римский летописец»), В русских летописях сообщаются новости о событиях за пределами Руси (восстание в Польше, крестовые походы, взятие Константинополя крестоносцами и др.).

При всем патриотизме русской литературы мы не найдем в ней и следа проповеди агрессивных действий; борьба с половцами рассматривается только лишь как оборона русского народа от неожиданных грабительских набегов. Характерной чертой является и отсутствие шовинизма, гуманное отношение к людям различных национальностей: «милуй не токмо своя веры, но и чужия... аще то буде жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин или ото всех поганых – всякого помилуй и от беды избави...» (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу, XI век). В последующие века русская литература оказала большое влияние на культуру южнославянских стран, не знавших латинского языка в качестве официального.

Жемчужиной русской литературы домонгольского времени является «Слово о полку Игореве» (1187 год), стоящее в первом ряду образцов мировой поэзии рядом с французской «Песней о Роланде» и грузинской поэмой Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Горячая любовь к своей родной земле, мудрое понимание важнейших исторических задач эпохи, смелость в обращении к враждующим князьям, поразительное знание летописной истории, народной поэзии, природы, романтики языческой мифологии и блестящее владение богатствами русской речи — все это сделало «Слово» бессмертным.¹⁸ Автор-патриот как бы вызвал на состязание старого поэта Бояна, воспевшего прадедов героев «Слова» и, конечно, победил сладкоречивого придворного певца простотой своего чеканного слога, широтой своих взглядов, своим умением смотреть на Русь не из окошек княжого терема, а глазами всего русского народа, жаждавшего единения князей.

*****

К сокровищам мировой поэзии относятся также и русские былины. Немногие из народов Европы могут похвастаться таким богатым эпосом, воспевающим события тысячелетней давности, как русский былинный эпос, доживший до наших дней в качестве живого народного рассказа о родной истории и ее героях.

В истолковании былинной поэзии было допущено немало ошибок. Быть может, крупнейшей из них была ошибка так называемой «исторической школы», заявившей, что былины созданы не народом, а аристократией: «Наш былевой эпос,— писал В. С. Миллер,— представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением... с пристройками и надстройками от разных времен. В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-

---

¹⁸ См. «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд-во АН СССР. М.—Л. 1950; «Слово о полку Игореве». (Текст, переводы, комментарии). Изд-во АН СССР. М.—Л. 1950.

каких еще обитаемых закутках устроился неприхотливый оло-нецкий крестьянин».

Создателями былины здесь названы князья, а народу отведена жалкая и пассивная роль. В своей аргументации «историческая» школа исходила как из предвзятых, неверных мыслей о творческой неспособности народа, так и из того, что главными героями были князья и сидевшие за одним столом с ними богатыри-полководцы и дипломаты.

Ввиду особой важности для истории культуры точного определения роли народных масс в создании культуры необходимо остановиться на вопросе о народном и феодальном началах в былинном эпосе.

Древняя Русь, несомненно, знала не только феодальную письменность, но и феодальную устную поэзию, поэзию придворных восхвалений, «слав» и «хвалы», певшиеся князьям. Но это не были эпические сказания былинного типа. Здесь прославлялась личная доблесть феодала, его небывалые победы, он сравнивался с различными хищниками из мира четвероногих и пернатых, что должно было, по мысли певца, усилить впечатление «хвалы».

Как в прикладном искусстве средневековья мы безошибочно можем определить принадлежность той или иной вещи к боярскому или к деревенскому кругу, так и в уцелевших обрывках поэзии мы легко различим эти две струи. Простой и скромный узор деревенских изделий X–XIII веков резко отличается от белокаменной резьбы или серебра с чернью, украшенных изображениями барсов, львов, крокодилов, орлов, сцен терзания ланей хищными птицами и т. д. Этот же средневековый феодальный бестиарий мы найдем и в «славах» князьям, отрывки которых попали в летописи.

Святослава сравнивают с пардусом, Романа Мстиславича Галицкого – с целым зверинцем: «Устремил бо ся бяше на поганя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко

и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур».

Представителем этой феодальной поэзии был и знаменитый Боян, придворный гуслиар Святослава Ярославича и его малоизвестного сына Романа. Если бы былинный эпос рождался в придворной среде, то, конечно, песни Бояна должны были бы создать целый цикл былин. Спустя 100 лет бояновы песни хорошо знали и цитировали такие поэты княжеской среды, как автор «Слова о полку Игореве»; благодаря ему мы знаем ряд сюжетов, воспетых Бояном. Но во всем богатстве былинных записей XVII–XX веков мы не находим былин ни о Мстиславе Тмутараканском, ни о «красном» Романе Святославиче, ни о других героях Бояна. А если и найдем былины о Всеславе Полоцком, воеводе восставших киевлян, то оценка героя будет диаметрально противоположной тому злобному пророчеству, которое Боян отнес к Всеславу.

Если бы не «Слово о полку Игореве», то последующие поколения ничего не знали бы о Бояне. Былинная поэзия создавалась совершенно в других кругах, которым далеко не все князья казались заслуживающими воспевания. Если придворный поэт не выбирал себе героя, а точно знал, что должен прославлять своего князя, каков бы он ни был, то певцы былин, наоборот, очень тщательно отбирали своих героев. Слагались былины, вероятно, в огромном количестве, по случаю отдельных крупных и мелких эпизодов. Но запоминались и передавались потомству лишь немногие, избранные, отобранные. У нас нет былин о варяжских князьях Рюрике и Олеге. Нет былин и о Святославе; политика которого была неясна народу, оставленному на разграбление печенегам и упрекавшему князя за то, что в поисках чужих земель он «своеяся охабив».

Цикл древнейших былин сгруппирован вокруг Владимира, сына рабыни, ставшего князем. Владимир — олицетворение про-

грессивного феодального государства, укрепление которого в основном соответствовало интересам народа. Летопись помогает нам раскрыть смысл ряда былин; Владимир ведет борьбу с умножившимися разбойниками (996 год) – былина рассказывает о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником, привезенным Ильёю на княжий двор; Владимир строит города на южной окраине и создает там гарнизоны из северных областей («от словен, от кривич, от вятич»), заставляя тем самым все государство принимать участие в обороне – «бе бо рать от печенег». Былины повествуют о заставах богатырских, созданных Владимиром Красным Солнышком для того, чтобы стеречь Русь «во чистом поле». Самыми заметными богатырями являются Добрыня, связанный со словенским Новгородом, и Илья Муромец – богатырь из-под кривичского города Муром. Летописи и былины отразили еще одну черту – народность героев. Так, Илья Муромец – крестьянский сын, Кожемяка – народный богатырь; Добрыня Никитич служил у князя «в конюхах да в приворотничках».

Позднейшая борьба с половцами отражена в былинах об идолище и Тугарине Змеевиче (летописном Тугоркане). Сто лет спустя после Владимира Святославича снова во главе Руси становится энергичный и отважный князь, организатор единства, законодатель, полководец, разбивший страшных половцев, «стучавших саблю в Золотые Ворота Киева», – Владимир Мономах.

Резной орнамент на белом камне (Юрьев-Польский, 1236 г.).

Совпадение имен привело к тому, что старые циклы былин о Владимире ожили, обобщились отдельные черты, несколько поистерлись конкретные детали и отобранные лучшие былины стали жить новой, бессмертной жизнью. Дошедший до нас былинный эпос — создание народных масс; он прославляет не князей как таковых, а лишь наиболее важные моменты в исто-

рии молодого и растущего Русского государства, моменты, связанные с тем или иным лицом.

Параллельно с народными былинами слагалась и феодальная придворная поэзия и письменность. То, что закреплялось в книгах, то уцелело как старый летописный текст, но основная масса льстивой придворной поэзии, прославление придворным певцом князя-хищника, получила самую страшную оценку — забвение. Народ не знал и не хотел знать этих славословий. Из феодальной поэзии только «Слово о полку Игореве» возвышалось до мудрого понимания общенародных задач, и в этом его величайшее значение. Сложенные народом былины тщательно отбирались народными сказителями; отбиралось все прогрессивное, все общенародное, патриотическое, смелое, все то, что могло служить назиданием потомству. Былины — это песни русского народа о важнейших делах Русского государства, это устный учебник героической истории родной земли, созданный народом и облеченный в звучную ритмическую форму эпических поэм.

*****

Серьезным вкладом в историю мировой культуры является русская средневековая архитектура. Будучи подготовленными еще за языческий период к строительству крепостей, башен, дворцов, деревянных языческих храмов, русские архитекторы с поразительной быстротой освоили новую византийскую технику кирпичного строительства и украсили крупнейшие русские города великолепными монументальными сооружениями.

Реставрационные работы и исследования сохранившихся памятников помогли за последние годы правильнее понять первоначальную форму зданий, а археологические раскопки в ряде древнерусских городов почти удвоили количество доступных для изучения памятников. В Киеве открыты фундаменты Десятиной церкви 998 года и нескольких храмов XI—XII веков, в Чернигове раскопаны остатки грандиозного собора 1186 года

с мозаичным полом, на котором изображены павлины; здесь же исследован Борисоглебский собор XII века и найдены белокаменные капители с превосходной тератологической резьбой. Рядом с собором обнаружены остатки каменного княжеского терема XI века. Остатки пышного дворцового комплекса Андрея Боголюбского вскрыты в Боголюбове. Новые здания открыты в Смоленске (в их числе загадочная ротонда XII века), в Старой Рязани, Галиче, Суздале, Гродно, Тмутаракани (церковь 1023 года), Переяславле, Полоцке и других городах. В результате всех этих открытий наши познания в области древнерусской архитектуры стали несравненно полнее.

Исследования Н. И. Воронина и М. К. Каргера¹⁹ показали эволюцию русской архитектурной мысли и ее связь с этапами развития феодальных отношений и с удельным весом княжеского или боярско-посадского элемента в городе. В ряде случаев архитектура очень чутко отражала политическую историю страны: кратковременное соперничество Чернигова и Киева сказалось в одновременной постройке монументальных соборов (Чернигов — 1036 год, Киев — 1037 год). Новгородское восстание. 1136 года приостановило княжеское строительство в Новгороде и открыло дорогу боярскому.

Раннее обособление Полоцкого княжества сказалось в построении там своего Софийского собора с необычной композицией плана. Полнокровное развитие городов, соперничавших с Киевом, привело к расцвету зодчества и созданию местных архитектурных школ в Галиче, Смоленске, Новгороде, Чернигове, Владимире-на-Клязьме. При всем этом русская архитектура XII—XIII веков представляет собой известное единство. Нельзя сказать, чтобы русское зодчество этого времени находилось под каким-либо влиянием или воздействием, хотя Русь имела широчайшие связи с Востоком, Западом и Византией.

---

¹⁹ См. Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура (История культуры древней Руси, т. II, гл. 8). Изд-во АН СССР. М.—Л. 1951.

Усвоив на рубеже X и XI веков византийскую форму, русские зодчие очень быстро видоизменили ее, внесли свои черты и создали свой, общерусский стиль, варьировавший по областям. Появление в XII веке башнеобразных, стремящихся вверх стройных зданий (Чернигов, Смоленск, Полоцк, Псков) особенно ярко свидетельствовало о выработке русского национального стиля, родившегося в результате воздействия деревянного строительства²⁰.

От этих первых устремленных ввысь церквей, о которых современники писали — «вся добра и несть порока в тебе», тянется связь к великолепному сооружению XVI века — церкви в Коломенском (1532 год) «на деревянное дело». Переработка византийского и создание своего, национального стиля не отгораживали русских художников средневековья от искусства других стран. Романское искусство нельзя считать присущим только западноевропейским странам — оно в значительной степени присуще и балканским славянам, и Грузии, и Армении, и Владимиро-Суздальской Руси, и Галицкой Руси. Речь идет не о частных заимствованиях, а о наличии общих черт в жизни и культуре крупнейших феодальных государств Восточной и Западной Европы и Закавказья. Даже разделение церквей, которое благодаря искусственной латинизации невольно разделило народы в смысле их литературного общения, не могло помешать развитию европейской культуры, с рядом общих черт, проявившихся, например, в зодчестве. Напомним, что русская княжна Анна была французской королевой, а дочь английского короля Гита — женой Владимира Мономаха. Правнук Мономаха — русский князь Георгий был грузинским царем. Русские купцы постоянно бывали в Регенсбурге, во Франции, в странах Южной Прибалтики, ездили и кругом Европы, а

---

²⁰ См. Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Института истории искусств АН СССР». М. 1952.

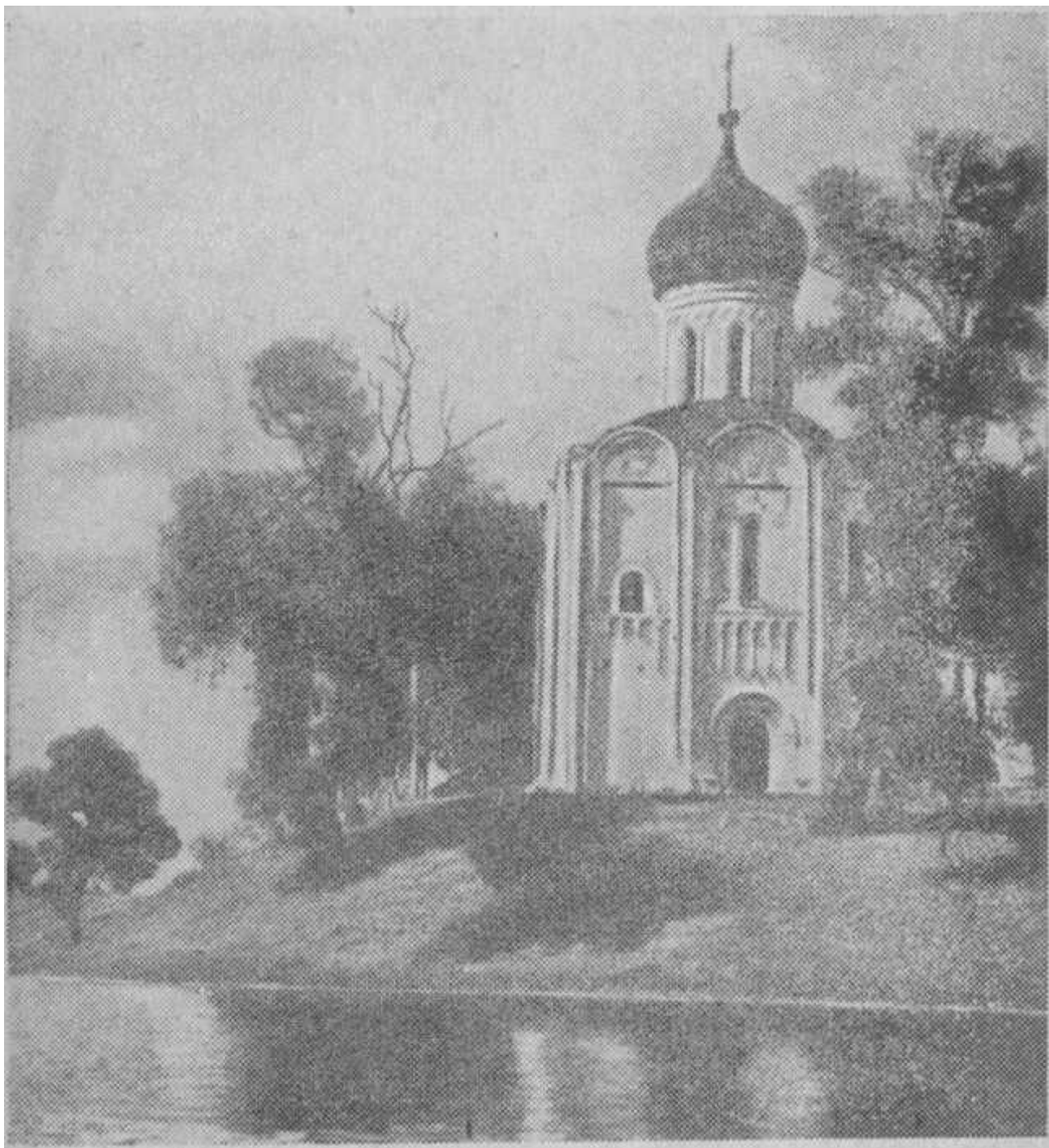
ирландцы и датчане жили в Киеве.

Церковь «Параскевы Пятницы на Торгу» в Чернигове (конец XII века).

Многие сюжеты сказаний и апокрифов стали «странствующими», переходившими от народа к народу. Неустойчивые границы феодальных государств не были преградами для взаимного культурного общения. Ярким показателем такой общности «стиля эпохи», говорящим о том, что романское искусство — понятие не столько географическое, сколько хронологическое, является белокаменное зодчество Владимиро-Суздальской земли.

Белокаменная церковь Покрова на Нерли близ Боголюбова (XII век).

В России в маленьком городке Вщиже можно найти лиможскую эмаль, а в Гильдестейме в Германии хранится русский крест XII века, сделанный Ильей Людогощином из Новгорода. Русские путешественники восхищались великолепием греческих храмов, а саксонский монах прославлял изделия русских золотых и серебряных дел мастеров.

Храмы Древней Руси с их удивительными пропорциями и тонкой декоративной резьбой, воскрешающей в памяти замечательные изделия из слоновой кости.

Постройки Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо — вполне русские по всем своим традициям и строительным приемам, но по ряду деталей они близки к архитектуре романского стиля XII века. И это не только местная черта — резной белый камень романского облика мы найдем и в Нижнем Новгороде, и в Чернигове, и в Рязани, и в Галиче, и в Холме, где известно, что там работал русский «хытрец» Авдей. В городке Вщиже есть замечательные бронзовые арки XII века, признававшиеся одно время за французское изделие. Но в процессе литья русский мастер Константин подписал свое изделие на восковой модели, и его подпись отлита на бронзе. Белокаменные храмы Владимира с их щедрой резной орнаментикой исследователи с полным правом сопоставляют с «Словом о полку Игореве». И там и здесь мы видим композиционную стройность, величавость и бесстрашное пренебрежение церковной догмой ради насыщения произведения сочными полусказочными образами, усиливающими красоту основных форм.

Тщательное изучение пропорций древнерусских зданий позволило раскрыть К. Н. Афанасьеву своеобразные геометрические приемы русских зодчих XI—XII веков, помогавшие им создавать изумительные по соразмерности частей здания²¹.

---

²¹ См. К.Н. Афанасьев. О пропорциональности памятников древнерусской архитектуры XI—XII вв. («Архитектурные памятники»), Киев. 1950.

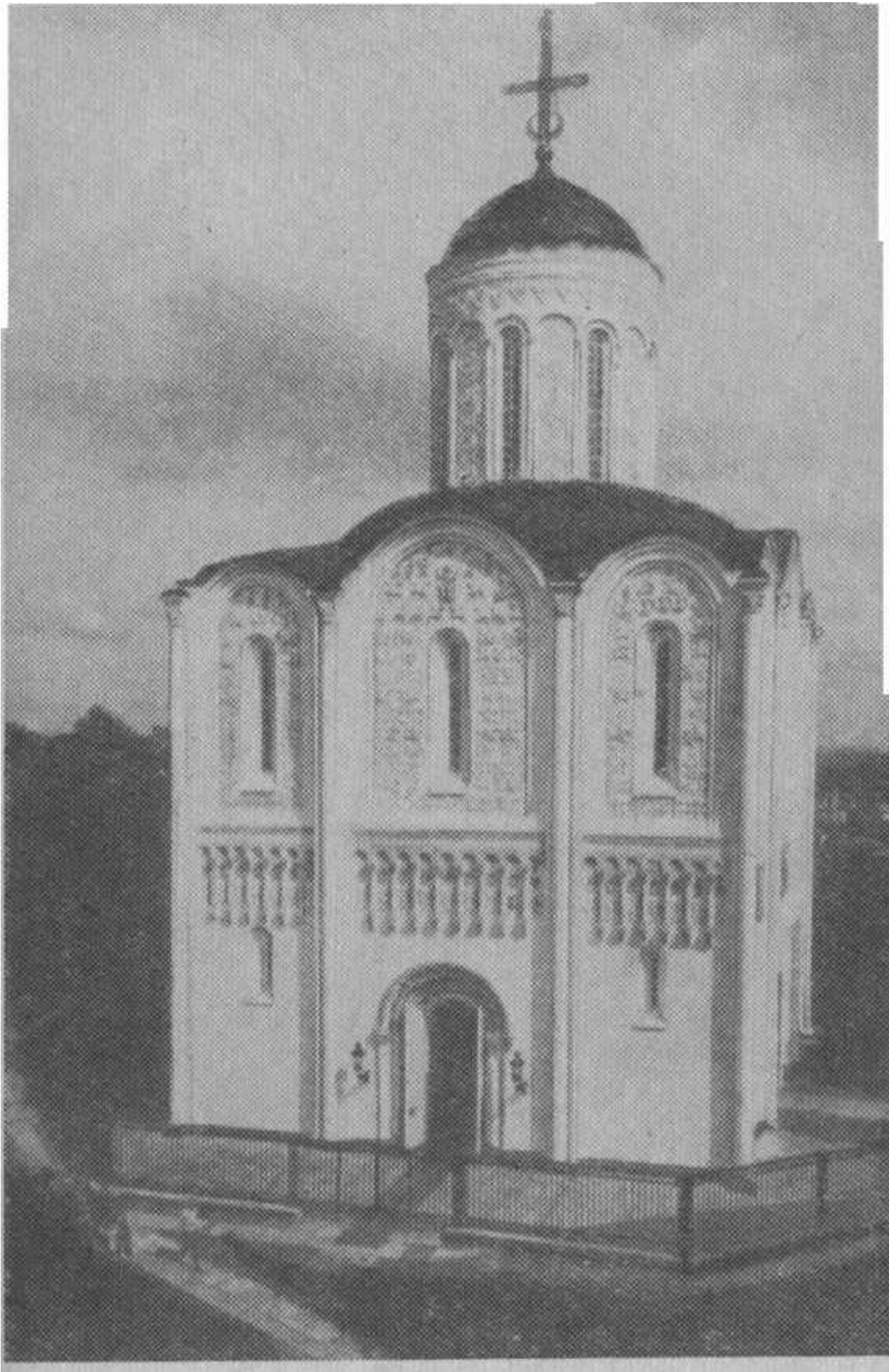
Недавние находки в Старой Рязани и Тмутаракани геометрических чертежей из системы вписанных квадратов и прямоугольников позволили раскрыть еще один метод математических расчетов, метод, восходящий в основе к вавилонской архитектуре и попавший на Русь через посредство Закавказья и Тмутаракани.

Многообразная и богатая русская архитектура надолго сохранила в себе силу художественного воздействия. В тяжелые годы татарского ига не под силу было продолжать и развивать это искусство, но в XV веке, когда Русь начала оправляться и возрождаться после разгрома, взоры русских архитекторов обратились к тем совершенным формам, которые были отысканы зодчими XII–XIII веков. Когда прославленный итальянский архитектор Ридольфо Фиораванти («Аристотель» XV века) прибыл в Москву для руководства застройкой Кремля, его отправили во Владимир – учиться по произведениям старых русских мастеров. Судя по его постройке, он признал себя учеником строителей XII века²², и тот Успенский собор, который он выстроил в центре московского Кремля, своими древнерусскими формами так же убедительно говорит о высоте культуры древней Руси, как флорентийские постройки мастеров Ренессанса говорят о высоте культуры древнего Рима.

Русская живопись и рисунок дошли до нас в виде фресок, икон, книжных миниатюр. Реставрационные работы, промывка и расчистка памятников живописи раскрыли перед нами по-новому и этот раздел русской культуры. «С киевской живописью XI века не выдерживает сравнения ни одно произведение, вышедшее из недр романской школы», – пишет исследователь русского искусства В. Н. Лазарев.

---

²² См. В. Снегирев. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М. 1935.

Дмитровский собор во Владимире (конец XII века).

Высокий уровень художественной выразительности, достигнутый древнерусской живописью, отчасти объясняется тем, что восприятие византийского мастерства было подготовлено развитием славянского народного искусства еще в языческий период. Красочные сочетания узоров на тканях, сложные орнаментальные композиции из цветов, деревьев, птиц и животных идут из глубокой древности. На северорусских полотенцах до недавнего времени вышивались фигуры древних языческих богинь и всадников — вождей. Христианские проповедники XII века порицали народное искусство за его языческую сущность: «И кланяются, написавше жену в человеческ образ». Однако это народно? языческое искусство, особенно расцветшее в предфеодалную пору, сыграло большую роль в воспитании художественных навыков, вкуса, в создании кадров русских умельцев — «хитрецов», умевших и строить и резать из дерева и камня и расцвечивать красочными узорами. Этим и обусловлено быстрое восприятие византийской манеры и техники в изобразительном искусстве Киевской Руси.

Основная масса уцелевших до нашего времени произведений живописи и скульптуры относится, к сожалению, только к одному разряду — к церковному искусству. Светское искусство известно нам лишь частично.

Техника древнерусских художников была весьма разнообразна: применялась живопись по сырой штукатурке (фреска), наборный рисунок из разноцветных стеклянных кубиков (мозаика), живопись на досках, покрытых белой грунтовкой, цветные рисунки на пергаменте.

Художники, писавшие иконы или расписывавшие церкви фресками, сознательно не стремились ни к реализму, ни к грубому натурализму, который в древности иногда подменял правдивое отображение жизни; они изображали условный, не-реальный мир религиозных представлений и легенд, и самая

манера их письма была в значительной мере условной²³.

Вместе с тем русские мастера XI–XIII веков достигали большого совершенства в композиции, подборе красок, в создании того настроения, которое им было нужно. Можно назвать много произведений живописи, которые могут стать в один ряд с лучшими работами византийских и европейских мастеров того времени.

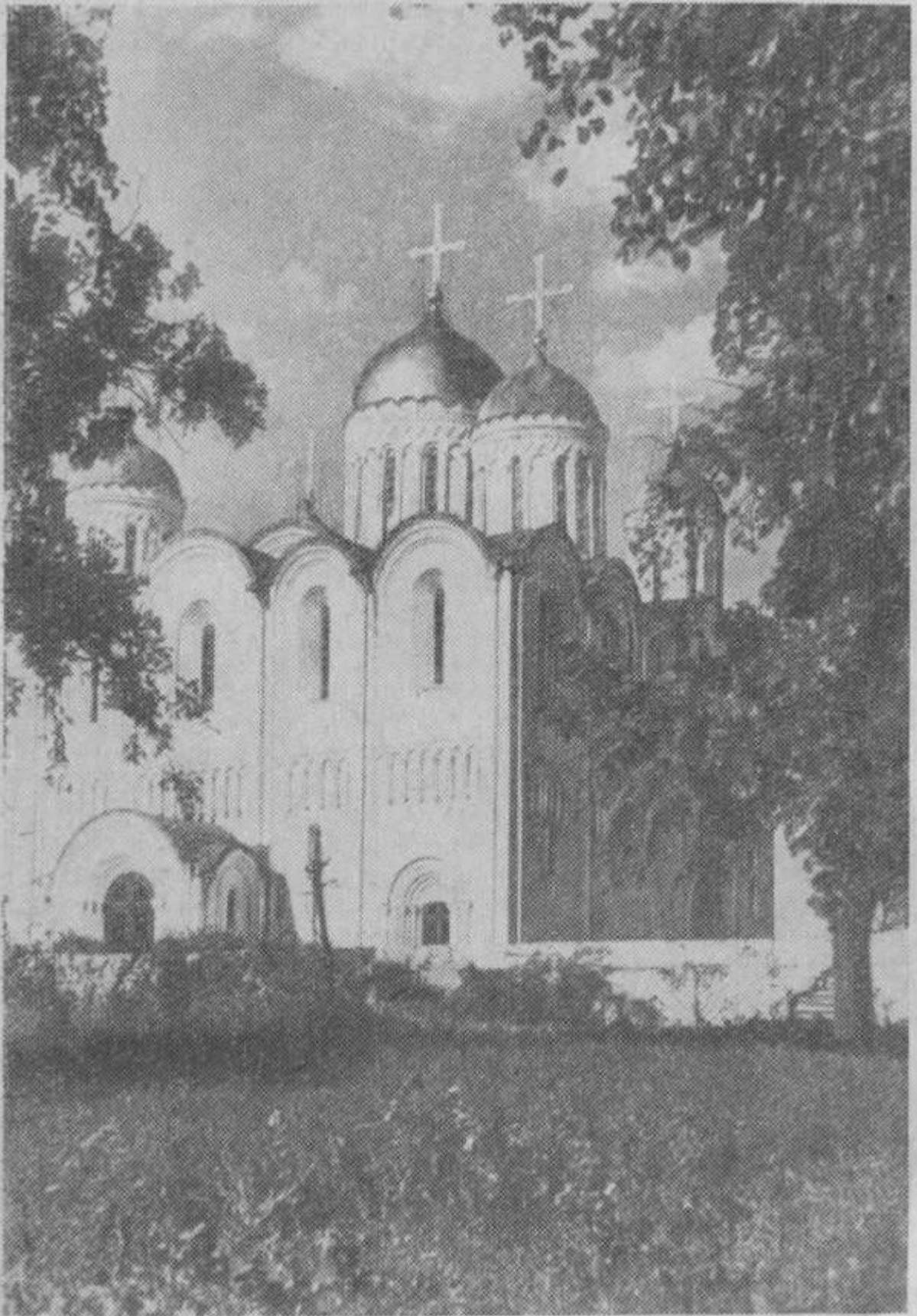
Русское искусство не было безымянным — мы знаем имена прославленных зодчих (Петр Новгородский, Петр Милонег, Ждан), живописцев (Алимпий), скульпторов (Авдей), мастеров литья и чеканки (Константин, Братило, Коста, Максим), эмальеров (Лазарь Богша) и даже кирпичных дел мастеров (Яков).

Каждое церковное здание представляло собой целую галерею фресковой живописи, подчиненную единому сложному замыслу. В несколько ярусов располагались священные изображения, которые должны были внушать славянину суеверный страх и чувство подчиненности богам небес и князьям земли. С церковных фресок смотрели на находящиеся внизу простых людей изображения христианских святых в одеждах епископов, царей, воинов-дружинников, монахов. Княжеские семьи в древнерусских храмах располагались над народом на особых балконах («хорах») и должны были казаться как бы ожившими фресками, так как тематика живописи была пронизана феодальной иерархией и выполняла задачу — уравнивать в глазах простых людей власть божественную, небесную, с властью земных владык.

Классовая сущность феодальной церкви во всей полноте раскрывалась в отношении к искусству, которое церковь стремилась монополизировать и посредством его притягательной силы воздействовать на умы русских людей.

---

²³ «История русского искусства», т. II, стр. 380. Изд-во АН СССР. М 1954.

Успенский собор (Владимир, конец XII века)

Русские средневековые соборы, как и соборы западноевропейских стран, были образцами очень умелого и тонкого использования всех видов искусства в целях утверждения идей феодальной церкви.

Киевлянин или новгородец, вошедши в церковь, попадал в особый мир образов, отделенный от шумного городского торга. Огромная голова Иисуса Христа как бы заглядывала в церковь сверху, с неба, сквозь затянутое дымом ладана пространство купола. Суровые «отцы церкви» сплоченным рядом выступали из-за алтаря, готовые поучать и карать. Христианская богородица напоминала славянину древнюю языческую богиню земли и плодородия («Рожаницу», «Берегиню») и тем самым объединяла в его сознании старый и новый культ. Когда устрешенный и подавленный величием изображенного на стенах храма славянин уходил из него, то его последним впечатлением была нарисованная над выходом картина «Страшного Суда». Он возвращался из церкви в свой мир, и церковь напутствовала его изображениями страшных мучений, ожидающих того, кто посмеет ослушаться церковных законов.

Развитие классовой борьбы и антицерковных движений — «ересей» — привело к распространению определенных сюжетов в искусстве, например «Чудо Михаила архангела в Хонях» — Михаил, «небесных сил воевода», наказывает крестьян, пытавшихся поднять восстание. Сюжет «Уверение Фомы» направлен против скептиков, сомневавшихся в христианских легендах.

Совершенно иной характер носила живопись княжеских дворцов. Нам известна только роспись башен Софийского собора в Киеве, ведших на княжеские хоры и, может быть, сообщавшихся с дворцом. Но, вступая на широкую винтовую лестницу этих башен, мы сразу выходим из-под власти суровой церковной поучительности и оказываемся среди произведений искусства, призванных развлекать, радовать, интересовать своего привилегированного зрителя. Здесь мы найдем и сцены

на ипподроме, и гладиаторов, и погонщика верблюдов, и уса- того мечтательного музыканта, и ловких акробатов, и скомо- рохов.

Мир феодального светского искусства был, вероятно, очень богат и многообразен, но мы знаем его лишь по ничтожным уцелевшим обрывкам и отчасти по литературным описаниям.

Литературные памятники и археологические данные рисуют нам яркий и своеобразный быт древнерусских городов и, отча- сти, деревень. Сверкает золотыми главами и теремами стольный город; крепки его каменные башни, неприступны стены, глубоки его рвы. Шумит разноплеменная толпа на торжищах, где можно купить все, что угодно, — от изделий местных мастеров до китайского шелка и индийских пряностей. Здесь объявляют указы, здесь ссорятся и берутся за мечи, здесь нищие поют, выпрашивая подаяние, здесь разыскивают убежавшего челядина или уведенного коня, здесь собираются на вече решать дела своего города. По тесным мощеным улицам, мимо боярских дворов и простых домов идут толпы пеших горожан, над ними возвышаются многочисленные всадники и в простых доспехах, и в княжеских парчевых плащах, и в монашеских рясах. В праздничные дни богатые женщины щеголяли серебряным или золотым «узорочьем», где жемчуг обрамлял цветистую эмаль, а бархатистая чернь подчеркивала блеск серебра. Церковная процессия могла столкнуться на улицах города с языческим игрищем, веселой толпой, справляющей «русальи».

Рядом с собором устраивались скачки и турниры, привле- кавшие зрителей.

За могучими стенами княжьего двора шла своя жизнь. Здесь множество слуг и ремесленников готовили все для своего гос- подина, сюда свозились продукты из ближних и дальних сел — и на потребу князьему двору и на вывоз в заморские страны. Здесь происходил суд, определялись по «Русской Правде» на-

казания провинившимся смердам, назначались судебные поединки или «божьи суды». Здесь на широких гульбищах – «сенях» устраивались пышные пиры: слуги носили целых лебедей, бронзовые курильницы в виде зверей пылали ароматным огнем, гости омывали руки из фигурных водолеев, гусли пели славу господарю этого дома, воспевали подвиги его предков; огромные круговые чаши, переходили от соседа к соседу. Но здесь же, в подвалах княжьего двора, рядом с запасами вин и медов, в специальных ямах – «порубах» содержались побежденные соперники князя, его опасные враги, которые иной раз были в кровном родстве с ним и недавно пировали за одним столом.

Города горели от пожаров, подвергались разграблению во время княжеских усобиц и половецких набегов, но снова отстраивались, возрождались, а население их – ремесленники, торговцы, воины – становилось все более твердым в деле обуздания боярских прихотей, княжеского произвола и междуусобных войн.

Русские города – средоточие феодальной культуры – знали не только высокое искусство в его разнообразных видах, – здесь бурлила общественная мысль, сталкивались противоречивые интересы классов, сословий и групп. Уровень общественной жизни был также высок.

Мы знаем об идеологической борьбе русских людей против притязаний Византии на подчинение себе Руси. Русь отстояла как свою политическую, так и культурную самостоятельность. Приняв крещение из рук греков, восприняв ряд элементов византийской культуры (имевшей тогда мировое значение и сильно влиявшей на всю Южную Европу), русские люди не подпали под иссушающее воздействие византийской церковности, а нашли свой путь культурного развития во всех областях. Это объясняется значительной силой молодого Русского государства, боровшегося с кочевниками и осуществлявшего

постоянную связь между странами Востока и областями Северной и Центральной Европы, являвшегося торговым посредником между ними.

Опираясь на силу этого государства, возможно было вести борьбу за идеологическую независимость от Византии. В городах шла борьба и против того безжизненного аскетизма, который пыталась пропагандировать русская церковь, бичуя игрища, музыку, театр, пляски, пение. Здоровая народная струя легко ломала хрупкую скорлупу аскетических проповедей, и города жили полнокровной, интересной жизнью; церкви были зачастую пусты, а «игрища — утолчены».

Господствовавшая в средневековье богословская форма идеологии вызывала нередко протесты.. «Житие Авраамия Смоленского» (начало XIII века) сообщает нам об интересных проповедях, читавшихся Авраамием приходящим к нему смердам и посадским людям, проповедях, направленных против церковных властей, которые хотели сжечь Авраамия или «жива его пожрети»²⁴.

Мы знаем о борьбе между центральной княжеской властью и боярством, не всегда осознававшим свои же классовые интересы. Классовая борьба, усиливавшаяся по мере углубления феодальных отношений, находила отражение и в законодательстве («Русская Правда», «Устав Владимира Мономаха») ', и в литературе, и в народном творчестве. Она имела безусловно прогрессивное значение, хотя и не ставила своей задачей полное ниспровержение существовавшего тогда феодального строя, еще только начинавшего свой исторический путь и являвшегося в то время вполне прогрессивным. Подрыв основ феодализма означал бы в тех условиях возврат к первобытности, регресс. Объективное значение народных восстаний состояло в том, что они стремились к ограждению крестьянина и ремесленника от непомерной жадности светских

---

²⁴ См. «Памятники древнерусской литературы», вып. 1, стр. 73. Спб. 1912.

и церковных феодалов, от попыток приравнять их к рабам, от таких тягот, которые разоряли их индивидуальное хозяйство — основу феодального производства. В былинах XI века мы видим отражение народных восстаний и симпатий народа к их участникам и вождям.

*****

Русская средневековая культура рождалась без античного наследства, в суровых условиях непрерывной борьбы со степью, наступавшей на земледельческие племена, при постоянной опасности порабощения Византией. Русское феодальное государство окрепло в этой оборонительной борьбе. Русская культура развивалась очень быстро, используя богатые потенциальные возможности славян-земледельцев. Развитие феодальных отношений и появление городов ускорило процесс роста культуры древнерусской народности.

XI — XIII века — время высокого развития русской культуры, когда она достигает уровня самых передовых стран Европы и оказывает влияние на десятки соседних с Русью народов. Гуманность, патриотичность, сдержанность, строгость, постоянное сознание общенародных задач — таковы черты русской культуры.

Широкие мирные связи с Востоком и с Западом сделали Русь активной участницей той общей культуры Старого Света, которая складывалась в средние века, пренебрегая феодальными рубежами.

Глубина народной культуры позволила Руси пережить тяжелую пору татарщины и сохранить неисчерпаемые силы для преодоления последствий иноземного господства. Народ сберег свою культуру, носительницу передовых идей своего времени и пронес ее сквозь века, повторяя с любовью и уважением: «О, светло светлая и украсно украшенная земля Русская!».

Вопросы партийной работы. Госполитиздат. 1956 г. 222 стр. Ц. 3 р. 40 к.

Краткий философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Издание 4-е, дополн. и исправленное. Госполитиздат. 1955 г. 567 стр. Ц. 17 руб.

Логика. Госполитиздат. 1956 г. 280 стр. Ц. 7 р. 30 к.

Мурашов С. Ленинская „Искра“ и нижегородская организация большевиков. Госполитиздат. 1956 г. 152 стр. Ц. 2 р. 40 к.

Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение. Часть I. Госполитиздат. 1955 г. 548 стр. Ц. 12 р. 80 к.

Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение. Часть II. Госполитиздат. 1956 г. 512 стр. Ц. 12 руб.

План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду советов государственной комиссии по электрификации России. Госполитиздат. 1955 г. 660 стр. Ц. 20 руб.

Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства (1952—1955 гг.). Госполитиздат. 1956 г. 148 стр. Ц. 1 р. 70 к.

Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. Издание 5-е. Гос. изд. иностранных и национ. словарей. 1955 г. 856 стр. Ц. 16 р. 40 к.

Перечисленные книги можно приобрести в магазинах книготоргов.

При отсутствии книг в местных книжных магазинах заказ направляйте „Книга — почтой“ по адресу: Москва, 12, ул. Куйбышева. Рыбный пер., д. 2, помещение 23. Отдел фондов.

**ГЛАВКНИГОТОРГ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР**